Митрополит Иларион: Музыка Дмитрия Шостаковича резонирует в сердцах миллионов слушателей

30 октября 2016 года гостем передачи «Церковь и мир», которую на телеканале «Россия-24» ведет председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион, стал дирижер и пианист Максим Дмитриевич Шостакович.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир».

Этой осенью исполнилось 110 лет со дня рождения великого композитора XX века Дмитрия Шостаковича, в чьей музыке отразились все ужасы и трагедии нашей страны, произошедшие в XX веке. Сегодня у меня в гостях сын композитора – дирижер и пианист Максим Дмитриевич Шостакович, с которым мы будем говорить о его отце. Здравствуйте, Максим Дмитриевич!

М. Шостакович: Здравствуйте, владыка!

Митрополит Иларион: 110 лет – большой исторический срок, но Вы живой свидетель жизни своего отца. Вы являетесь участником многих его концертов, многих премьер.

У меня на столе партитура 14 и 15 Симфоний Шостаковича. Я знаю, что премьеру 15 Симфонии осуществили как раз Вы, под руководством своего отца.

М. Шостакович: Да, отец доверил мне дирижировать своей симфонией, и я работал с большим энтузиазмом, выслушав все его пожелания, замечания. Отец не любил объяснять свою музыку. В процессе работы он только расставлял акценты: громче – тише, быстрее – медленней. Для меня было ценно его доверие. Он доверял мне и как мне показалось, ему понравилось то, что я сделал.

Митрополит Иларион: Я хотел бы поговорить о более ранних годах Д. Шостаковича. У Дмитрия Дмитриевича был, на мой взгляд, очень важный, переломный момент в творчестве – между 4 и 5 Симфониями. Известно, что 4-ю Симфонию композитор снял с премьеры после того, как в 1936 году в газете «Правда» была опубликована статья «Сумбур вместо музыки», в которой подвергалось резкой критике другое произведение Шостаковича. За идеологической критикой мог последовать смертный приговор, ведь в 1936 году после таких статей люди, как правило, исчезали.

Д. Шостакович каким-то чудом остался жив, но его творчество стало другим. Изменился творческий язык композитора, при помощи которого он стал общаться с миром. И если 4-я Симфония, на мой взгляд, подходит под определение «сумбур вместо музыки», ибо это действительно авангардная, сложная для понимания музыка, с множеством диссонансов, очень большая по размеру, то в 5-й Симфонии Шостакович вдруг обращается к классической бетховенской форме. И мы слышим совершенно другого Шостаковича.

Может быть, Вам это покажется странным, но я думаю, что подобный удар "сверху"в творческом отношении пошел Шостаковичу на пользу.

М. Шостакович: Симфонии Шостаковича не похожи одна на другую, в них все время что-то меняется. Почему я и не люблю, когда за Шостаковича что-то дописывают – были попытки дописать то, что он не успел, но в итоге всегда получалось не похоже, ибо Шостакович совершенно непредсказуем.

Конечно, 4-ю Симфонию он просто снял с премьеры, чтобы уберечь себя от новых нападок, о чем Вы только что сказали. 5-я Симфония, конечно, не похожа на 4-ю, но это своего рода объяснение. Некоторые говорят, что это уступка власти, но как я понимаю, ее финал – это кредо, ибо Шостакович говорит: нет, я не сверну с этого пути, я буду стоять на своем, и ничто не заставит меня изменить мое творчество. Вот что такое финал 5-й Симфонии, с моей точки зрения.

Митрополит Иларион: Думаю, всякий великий художник стоит на пьедестале, находясь выше своего времени и политических обстоятельств. Музыка Шостаковича живет сама по себе вне зависимости от тех обстоятельств, в которых она родилась. В каждой симфонии, буквально в каждом ее аккорде, слышна внутренняя мощь, которая резонирует в сердцах миллионов слушателей. Это происходило и при жизни композитора, это происходит и теперь. И я думаю, что сегодня его музыка резонирует еще больше, потому что в наше время ее все чаще исполняют: она не только не сходит с концертной эстрады, но, наоборот, приобретает все больше и больше последователей.

М. Шостакович: Владыка, Вы совершенно правы. Но иногда мне приходится слышать такой вопрос: а что было бы с музыкой Шостаковича, если бы он жил в свободной стране, если бы он не жил под давлением советской власти?

Думаю, музыка Шостаковича шире понятия человечности. Ведь такие человеческие чувства как любовь, ненависть, горе, радость всегда извечны и везде одинаковы – в Германии, в Америке, в России. Поэтому вся его музыка посвящена человеческим чувствам. Не думаю, что музыка Шостаковича как-то менялась бы в зависимости от политической обстановки.

Митрополит Иларион: Шостакович родился в Петербурге и вырос в Ленинграде. Ленинград был его родным городом. Пожалуй, самая известная его симфония – «Ленинградская». Эта симфония имеет совершенно особую историю, потому что она была завершена в блокадном Ленинграде. И, конечно, она стала, как известно, символом сопротивления советского народа фашистским захватчикам. Через всю 7-ю Симфонию проходит тема фашистского нашествия, в которой композитор изображает полчища захватчиков. Было бы очень интересно услышать Ваше мнение как дирижера и как сына композитора об этой симфонии, о ее внутреннем содержании.

М. Шостакович: "Ленинградская" симфония, конечно, о войне. Пророки древности писали словами, а композиторы – музыкой. И это такое же пророчество, ибо как можно иначе объяснить, что в финале симфонии, премьера которой состоялась в 1942 году – в начале страшной, разрушительной войны – звучит предсказание победы. С моей точки зрения это абсолютное пророчество.

Композитор Борис Тищенко, любимый ученик Шостаковича, пользуясь обозначениями автора, сосчитал количество тактов, чтобы отхронометрировать тему нашествия, которая идет все время, пока играет маленький барабан (каждый такт имеет 4 четверти, каждая четверть в авторском значении равна 126 ударам в минуту). Сосчитав все это, он получил ошеломляющий результат: вся тема нашествия длится 666 секунд и 6 в периоде. Я это ничем не могу объяснить, кроме как сигналом свыше.

Митрополит Иларион: Исправьте, если я ошибаюсь, но мне показалось, что в чисто музыкальном смысле тема нашествия по замыслу схожа с «Болеро» Мориса Равеля – произведением совершенно иного жанра.

М. Шостакович: Отец шутил на эту тему. В одном из писем он пишет своему другу, что, наверное, его будут упрекать, что тема нашествия похожа на «Болеро» Равеля. По форме, может, похожа, но содержание совершенно другое.

Митрополит Иларион: Удивительно, как внешнее сходство совершенно не влияет на содержание, потому что если «Болеро» – это танец, это пластичная, красивая, эластичная мелодия, то у Шостаковича мы действительно видим зверские полчища, надвигающиеся танки. Действительно, из одного и того же малого барабана Равель извлекал прекрасные убаюкивающие звуки, а Шостакович – невероятную мощь.

М. Шостакович: Я был еще совсем маленьким мальчиком, когда родители меня взяли на премьеру 7-й Симфонии в Куйбышеве. Тогда на меня эта музыка произвела страшное

впечатление: приближение страшной силы, бой барабанов меня очень испугал. Когда я вернулся домой, то долго не мог заснуть. В те годы все газеты были полны карикатурами, где кровавые фашисты с топорами отрезают головы, и так далее. Моя няня, будучи очень набожным человеком, долго читала мне Псалтирь, чтобы я успокоился.

Митрополит Иларион: Пережитые испытания войны нашли отражение еще в одном сочинении Шостаковича, в его Восьмом струнном квартете, который он посвятил памяти жертв войны.

М. Шостакович: Памяти жертв фашизма, там написано.

Митрополит Иларион: Памяти жертв фашизма, совершенно верно. Но это произведение в то же время глубоко автобиографическое. И неслучайно композитор зашифровал в нем свою музыкальную подпись.

М. Шостакович: Дело в том, что формально Шостакович посвятил это произведение памяти жертв фашизма. Это было сделано по настоянию властей. А на самом деле Восьмой струнный квартет отец посвятил себе. Там стоит его музыкальная подпись «DSCH», которую он, кстати, неоднократно использует в своих произведениях. Эта музыкальная монограмма, объединяющая начальные буквы имени и фамилии Шостаковича в немецком написании, пронизывает насквозь всё сочинение.

Митрополит Иларион: Думаю, что тема взаимоотношений между Шостаковичем и властью, о которой много сейчас написано, в том числе на Западе, конечно, нашла отражение в его творчестве. Вы говорили о финале 5-й Симфонии…

М. Шостакович: Это его героическая симфония.

Митрополит Иларион: В ней Шостакович фактически говорит о том, что будет продолжать идти своим путем. Это 1937 год. Но помимо 1937 года в его жизни был и 1948 год, когда уже прославленный композитор, автор «Ленинградской симфонии», известной на весь мир, вдруг получает очередной удар в форме партийного постановления, подписанного А. А. Ждановым, осуждающего композиторов, пишущих «антинародную» музыку, в числе которых оказался и Шостакович. Его исключают из консерватории, его произведения перестают исполнять, их фактически запрещают.

Взаимоотношения между композитором и властью строились по методу, описанному Чеховым в известном произведении «Каштанка», когда мальчик, хозяин этой собачки, привязывал на нитку кусок мяса и давал его Каштанке, а потом, когда она проглатывала мясо, он выдергивал его

обратно. То есть были какие-то поощрения, были ленинские премии, были сталинские премии…

М. Шостакович: Политика кнута и пряника.

Митрополит Иларион: Да, а потом были подобного рода постановления.

М. Шостакович: Это было страшное время.

Митрополит Иларион: Тогда же, в 1948 году Шостакович написал свой потрясающий Первый концерт для скрипки с оркестром. Давид Ойстрах, которому этот концерт посвящен, долгое время не решался его исполнять. В своих воспоминаниях он говорит, что эта музыка показалась поначалу очень сложной, маловразумительной, и он не сразу вжился в нее.

М. Шостакович: Шостакович всегда адресовал свою музыку далеко вперед, в следующий век, в будущее время. Мне, к счастью, посчастливилось записать этот концерт в Лондоне с Давидом Федоровичем. Он очень любил эту запись.

Митрополит Иларион: До недавнего времени в Москве не было памятника Дмитрию Шостаковичу, но теперь он есть. Он стоит на ступенях Дома музыки. Думаю, что открытие памятника Шостаковичу стало большим и важным событием.

Я считаю себя учеником Д. Шостаковича, потому что мой учитель Владимир Довгань был учеником Бориса Чайковского, который учился у Шостаковича. Поэтому какая-то линия преемства здесь существует. Музыку Шостаковича я впитал с молоком матери в самом буквальном смысле, потому что моя мама, когда я находился у нее во чреве, слушала произведения Шостаковича. Я вырос под эту музыку, и живу с ней уже 50 лет. И мне очень хочется пожелать нашим телезрителям, чтобы они слушали музыку Д. Шостаковича.

М. Шостакович: Многие говорят, что музыка Шостаковича – это зеркало нашего времени. Конечно, в ней отражены и страшные моменты нашей истории. Эти страшные моменты вдохновляли его на создание произведений.

Митрополит Иларион: Спасибо, Максим Дмитриевич, что были гостем нашей передачи.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/49063/